

ТРАВЛЯ В ШКОЛАХ ПО-СТАРОМУ И ПО-НОВОМУ (КИБЕРБУЛЛИНГ)

Луков Валерий Андреевич,

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра социального проектирования и тезаурусных концепций Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, Москва, e-mail: v-lukov@list.ru

В статье показано, что одним из феноменов, связанных с расширением практик использования социальных сетей, становится феномен так называемого кибербуллинга, означающего агрессивное поведение пользователей сетей, связанное с оскорблениями, угрозами и психологическим давлением на адресата. Автор показывает, что с аналогичными явлениями встречаются все пользователи, но для детской психики такое агрессивное поведение становится серьёзным испытанием. И это может вызвать негативные последствия, так как подобное воздействие делает непредсказуемым развитие сегодняшнего ребёнка — завтрашнего человека будущего.

Ключевые слова: дети, подростки, школа, кибербуллинг, социальные сети, агрессия, общество, психологическая неустойчивость, запугивание, воспитание.

В ноябре 2018 г. на заседании в Казанском федеральном университете обсуждалась животрепещущая тема, о содержании которой представление даёт обзор в электронной «Бизнес-газете»: «Психологи бьют тревогу: дикие примеры травли в каждой школе Татарстана» (<https://www.business-gazeta.ru/article/402427>). В одном из комментариев читателей писалось следующее: «Деграция не сейчас и не вчера началась. Это последствия либеральных прозападных реформ 90-х годов».

Это мнение неточно отражает ситуацию. Травля соучеников и в меньшей степени учителей была и в других социальных обстоятельствах. В конце 1960-х годов, например, мне довелось в милиции разбираться с противоречивой ситуацией, связанной с одной из моих учениц 9-го класса: в школе она была одной из тех, с кого только и можно было брать пример социальной активности советского времени, гражданственности, лидерства в общественной жизни сибирского шахтёрского города. А вечером на танцах (а это были, что называется, городские танцы)

она во главе таких же подростков-девушек избивала шпильками модных тогда каблуков женских туфель тех, кто приходил на танцы не «как подобает».

На фоне официальной школы привычны были совершенно не вкладывавшиеся ни в какие программы обучения и воспитания подростковые драки «район на район», в которых были участниками и лучшие комсомольцы из городского школьного актива (иначе в «стае» и невозможно). Такие молодецкие драки имеют очень давнее происхождение, были они и задолго до установления системы образования и входящих в неё учреждений. В начале 1990-х нам удалось установить путём исследования, что в крупном российском центре Ставрополе драки молодёжи, учащейся в том числе, «район на район» чаще происходят по линии разделения древних урочищ, в то время как административные органы города (милиция среди них) привязаны к другому разделению городской территории; об урочищах и помнить забыли, а они продолжали жить в новых поколениях, не знавших и слова-то такого — «урочище».

Травля с применением физических действий, издевательств была в школе самых разных времён и самых разных типов, и чем более закрытый характер имели эти школы или их территории (интернаты, кампусы, например), чем привыч-

нее были физические наказания учеников за невыполнение заданий или непослушание (розги, школьная указка в руках обучающего, а в Античности (как писал Мишель Монтень в «Опытах», шедевре возрожденческой литературы) учитель больно кусал провинившегося ученика за большой палец), тем чаще в ученической среде зрели драки, издевательства над соучениками, иногда приводившие к драматическим последствиям. Это было и в самых престижных школах, готовивших элиту мировых империй, и в школах для бедных, размещённых в трущобах, и в приходских школах на селе. В Итоне, самой элитарной школе Великобритании, будущие венценосные особы, дети родителей, способных оплачивать невероятные счета за обучение своих отпрысков, порядка, конечно, не сравнить со школами в негритянских районах городов США, но это вовсе не безоблачный мир. Принц Чарльз, наследник британского престола, о шотландском пансионе Гордонстоун для аристократов, куда он был отправлен учиться, писал родителям: «Это ад, сущий ад — особенно по ночам!» [1]. Среди прочего имелись в виду побои младших учащихся старшими — так сказать, «для порядка».

Такая травля была почти нормой, привычным делом, и многие вопросы школы, не лежавшие на поверхности, а среди них определение неформальных лидеров,

расслоение подростков по школьным «кастам», сексуальные притязания, организация неформальных мероприятий (дружеских встреч, совместного курения и других нарушений ненавистной нормы, идущей от взрослых с их функциями контроля и карающего «возмездия», союза против «вредных» учителей и администраторов), казались невозможными без драк, оскорблений исподтишка, сплетен, подзатыльников, насмешек, граффити на партах, стенах, везде, где никто не видит «писателя» и «рисовальщика».

Однако по мере утверждения в повседневной жизни компьютера и интернет-технологий школьные практики наведения неформального порядка «по-своему», где физическая сила, как в первобытные времена, ценилась выше силы знания и где кулак был главным аргументом в «естественном отборе», сменились другой моделью травли, только частью напоминающую старую систему: драки, сплетни, насмешки, издевательства над слабыми никуда не ушли, но их роль поплёкла на фоне кибербуллинга, как теперь принято называть травлю при помощи Интернета.

Есть и более точные определения: кибербуллинг — это форма запугивания или преследования с использованием электронных средств. Такое действие относят к киберпреступлениям (их иначе называют онлайн-издевательства-

ми). Если другие киберпреступления больше характерны для молодёжи, владеющей интернет-технологиями, то кибербуллинг — территория социальных сетей, где подростки впереди всех. Вред для окружающих заметен в том, что включают в себя онлайн-издевательства: на уровне индивидуальной жертвы это распространение среди неопределённого числа пользователей слухов, угроз, сексуальных комментариев, личной информации; на уровне сообществ (этнических, сексуальных и др.) — наклеивание ярлыков (как называл этот процесс американский социолог Г. Беккер, у И. Гофмана это — стигматизация), в том числе разжигающих вокруг них ненависть.

Действия против индивидов подросткам не кажутся особо опасными. Новые исследования кибербуллинга подростков с использованием мобильных телефонов и Интернета (раньше они были сосредоточены на распространённости текстовых сообщений и электронной почты), показывают, что учителя всё больше реагируют на школьные издевательства [3].

В макромасштабе вопрос о влиянии запугивания начал рассматриваться давно, ещё в 1970-е годы (например, в крупномасштабном проекте Дэна Олвеуса 1970 г., который в настоящее время считается первым научным исследованием проблем запугивания в мире. В нём уже тогда была

представлена проблема издевательств среди школьников и молодёжи. Книга Олвеуса об издевательствах в школе, появившаяся в 1993 г., была опубликована на более чем 25 различных языках [2], но вызовы последнего времени требуют новых исследований.

Вот данные нескольких исследований.

США. Опрос, проведённый Исследовательским центром «Преступления против детей» в Университете Нью-Гемпшира в 2000 г., показал, что 6% молодых людей, участвовавших в опросе, сталкивались с какой-либо формой преследования, включая угрозы и негативные слухи, и 2% страдали от преследований [7]. В 2011 г., согласно Национальному исследованию виктимизации и преступности, проведённому Бюро судебной статистики США, 9% учащихся в возрасте от 12 до 18 лет признались, что испытывали киберзапугивание в течение этого учебного года (с коэффициентом вариации от 30 до 50%) [10].

Австралия. В рамках общенационального опроса о скрытом запугивании в Австралии ($N = 7418$ учащихся) показано, что киберзапугивание увеличивалось с возрастом: 4,9% учащихся 4-го класса сообщили об этом по сравнению с 7,9% девятиклассников [5].

Евросоюз. По данным, опубликованным в 2011 г., в 25 исследованных государствах — членах ЕС

в среднем 6% детей от 9 до 16 лет подвергались кибериздевательствам [9]. В публикации 2009 г. показано, что примерно 18% европейской молодёжи были «запуганы (преследовались)» через Интернет и мобильные телефоны [9]. В Финляндии в 2010 г. исследование на основе самоотчётов 2215 финских подростков в возрасте от 13 до 16 лет о киберзапугивании и кибервиктимизации в течение предыдущих шести месяцев установило, что 4,8% были жертвами, 7,4% были инициаторами запугиваний, а 5,4% оказались и теми и другими [12].

Япония. 17% детей и молодёжи в возрасте от 8 до 17 лет стали жертвами онлайн-издевательств, это показывает, что онлайн-издеательства являются серьёзной проблемой в этой стране. Подростки, которые проводят в Интернете более 10 ч в неделю, чаще становятся объектами запугивания в Сети. Только 28% участников опроса поняли, что такое киберзапугивание. Тем не менее они понимают серьёзность проблемы: 63% опрошенных студентов беспокоятся о том, что могут стать жертвами киберзапугивания [6].

Исследования трудносопоставимы, но всё же некоторые общие выводы из их данных возможны. Первое, что очевидно: явление кибертравли нарастает, и оно затрагивает миллионы подростков в разных странах мира. Оно

не управляется взрослыми, оно бесконтрольно и имеет разную мотивацию: от болезненной жажды мести до жажды, (опять же болезненной) признания, от бездумного развлечения до взращивания в себе агрессии. Второе: кибертравля возможна в отношении тех, кто «сидит» в Интернете, в сетях и другой жизни и не знает, и не хочет знать. Но такое «сидение» — уже факт подросткового существования во многих странах, не замечать или преуменьшать его нельзя. Третье: по мере развития современных информационных технологий кибертравля не уменьшится, а, напротив, приобретёт ещё более изощрённые и неподвластные формы.

Некоторые итоги исследований нужно рассматривать как предупреждение о недалёком будущем.

В 2014 году Криста Мехари, Альберт Фаррелл и Эн-Зуй Ле опубликовали анализ литературы о киберзапугивании среди подростков (а она, надо сказать, к тому времени была в западном мире огромна) и предположили, что это особый вид агрессии, а не разновидность ранее изученных её видов, а также, что будущие исследования в этом вопросе нужно строить на теоретических и эмпирических знаниях об агрессии в подростковом возрасте [11]. Это вывод, важный не только для учёных-психологов, педагогов, антропологов. Из него следует как развитие

науки, так и понимание того, что и как можно противопоставить на практике в условиях нашего времени и нашего общества.

Другое важное наблюдение: киберзапугивание в социальных сетях до недавнего времени было, как правило, предметом отношений в среде учащихся, таким оно и изучалось. Но в последнее время ученики всё чаще запугивают своих учителей. В частности, ученики старших классов в Колорадо (США) создали сайт в Twitter, который запугивает учителей то непристойностями, то ложными обвинениями [4].

В России всё это более или менее уже представлено. Но развитие новых средств информации, как показывает опыт стран, продвинувшихся по пути всеобщей интернетизации дальше, непременно расширит зону кибертравли по-русски. Между тем там, где зарождается она — в начальных и средних заведениях, её как будто нет: ни в одной образовательной программе её упоминаний, описаний способов уберечься от неё не обнаруживается. О ней немало информации, больше всего журналистской, основанной на особо скандальных примерах, но не ясны её границы и формы, только в общих словах она осознаётся как один из рисков на пути России в цифровой мир.

Но если это новая форма агрессии, идущая из детской и подростковой среды, то её последствия

могут затронуть и национальную безопасность, и устойчивость общества перед эмоциональными всплесками, и то, каким будет человек будущего — недалёкого, но в своём человеческом ресурсе непредсказуемого и непонятного.

Изучение детей и подростков сегодня не может быть компетенцией только отдельных наук: педология когда-то пыталась детскую тему раскрыть как междисциплинарную. Вновь эта задача стоит, но в решительно изменившихся условиях, когда есть зоны, где подростки опередили исследователей и не собираются отдавать под контроль взрослых приобретённую таким путём независимость. А значит, уже устоявшиеся принципы дидактики, положения социальной психологии, социологии и т.д. нуждаются в критическом пересмотре, как и недавно появившиеся концепции сетевого общества, цифровой экономики, биоэтики и многие другие. В образовательных технологиях тоже придётся учесть стихийно осваиваемый детьми и подростками опыт кибербуллинга, который потом, когда дети станут студенческой молодёжью, будет укрепляться, в том числе и в противостоянии с высшей школой и официально закреплёнными стандартами высшего образования.

Литература

1. Дмитриева О. За одной партой с королями [Электронный ресурс]. — URL: <https://rg.ru/2006/02/03/angliya-shkoli.html>
2. About Olweus-History [online]. — URL: <http://www.clemson.edu/olweus/history.html>
3. Burger Ch., Strohmeier D., Spröber N., Bauman Sh., Rigby K. *How teachers respond to school bullying: An examination of self-reported intervention strategy use, moderator effects, and concurrent use of multiple strategies // Teaching and Teacher Education*. 2015.;51:191–202. DOI:10.1016/j.tate.2015.07.004.
4. Butler A. 9-R students create teacher-bashing tweets: Third episode moves from targeting students [online]. — URL: <https://durangoherald.com/articles/1763-9r-students-create-teacherbashing-tweets>
5. Cross D., Shaw T., Hearn L., Epstein M., Monks H., Lester L., Thomas L. *Australian Covert Bullying Prevalence Study (ACBPS)*. — Child Health Promotion Research Centre, Edith Cowan University, 2009.
6. Cross-Tab Marketing Services & Telecommunications Research Group for Microsoft Corporation. S. l, s.a.
7. Finkelhor D., Mitchell K.J., Wolak J. *Online victimization: A report on the nation's youth*. — Alexandria, VA: National Center for Missing and Exploited Children, 2000.
8. Hasebrink U., Görzig A., Haddon L., Kalmus V., Livingstone S. and members of

- the EU Kids Online network. Patterns of risk and safety online. In-depth analyses from the EU Kids Online survey of 9- to 16-year-olds and their parents in 25 European countries. — August 2011. — 88 p.
9. *Hasebrink U., Livingstone S., Haddon L., Ólafsson K.* Comparing children's online opportunities and risks across Europe: Cross-national comparisons for EU Kids Online. — LSE, London: EU Kids Online (Deliverable D3.2, 2nd edition), 2009.
 10. Indicators of School Crime and Safety: 2011 — February 2012, Simone Robers Education Statistics Services Institute — American Institutes for Research; Jijun Zhang Education Statistics Services Institute — American Institutes for Research, Jennifer Truman Bureau of Justice Statistics; Thomas D. Snyder Project Officer National Center for Education Statistics. — 203 p.; *Snyder Th.D., Robers S., Kemp J., Rathbun A., Morgan R.* Indicator 11: Bullying at School and Cyber-Bullying Anywhere, 2014.
 11. *Mehari K., Farrell A., Le A.-Th.* Cyberbullying among adolescents: Measures in search of a construct // *Psychology of Violence*. 2014;4(4):399–415. DOI:10.1037/a003752.
 12. *Sourander A., Klomek A.B., Ikonen M., Lindroos J., Luntamo T., Koskeiainen M., Helenius H.* Psychosocial risk factors associated with cyberbullying among adolescents: A population-based study // *Archives of General Psychiatry*. 2010;67(7):720–728.